

Уголовный закон и уголовное законодательство в дореволюционной и советской государственно-правовой системе России

Р. А. Ромашов¹, С. А. Денисов², В. Г. Павлов¹

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Понятийный и системный анализ категорий «уголовный закон» и «уголовное законодательство» осуществляется с применением метода циклического политогенеза.

Исследуется этимология термина «закон» и осуществляется анализ его атрибутивной и содержательной трансформации, начиная от архаических форм (закон как форма обычая и воли государя) до современных/типичных (закон как форма нормативного правового акта общезначимого и общеобязательно-характера).

Анализируется представление о форме и системной структуре уголовного закона и уголовного законодательства в условиях дореволюционной и советской государственно-правовой системы России.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовное законодательство, гражданский закон, циклический политогенез, революционная законность, социалистическая законность, классовый подход.

Для цитирования: Ромашов Р. А., Денисов С. А., Павлов В. Г. Уголовный закон и уголовное законодательство в дореволюционной и советской государственно-правовой системе России // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 227–245. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_227. EDN: ADEMAC

Criminal Law and Criminal Legislation in The Pre-revolutionary and Soviet State-legal System of Russia

Roman A. Romashov¹, Sergey A. Denisov², Vladimir G. Pavlov¹

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

The conceptual and systematic analysis of the categories of criminal law and criminal legislation is carried out using the method of cyclic politogenesis.

The etymology of the term "law" is investigated and its attributive and meaningful transformation is analyzed, starting from archaic forms (law as a form of custom and the will of the sovereign) to modern/typical ones (law as a form of a normative legal act of a generally significant and binding nature).

The article analyzes the idea of the form and systemic structure of the criminal law and criminal legislation in the conditions of the pre-revolutionary and Soviet state legal systems of Russia.

Key words: criminal law, criminal law, civil law, cyclical politogenesis, revolutionary legality, socialist legality, class approach.

For citation: Romashov, R. A., Denisov, S. A., Pavlov, V. G. (2024) Ugolovnyj zakon i ugolovnoe zakonodatel'stvo v dorevoljucionnoj i sovetskoj gosudarstvenno-pravovoj sisteme Rossii [Criminal Law and Criminal Legislation in The Pre-revolutionary and Soviet State-legal System of Russia]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (75). Pp. 227–245. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_227. EDN: ADEMAG

Введение

Актуальность заявленной темы обусловлена теоретической и практической значимостью проблемы понимания и системного структурирования в рамках отечественной уголовно-правовой традиции категорий «уголовный закон» и «уголовное законодательство». Применение метода циклического политогенеза [1] позволяет выделять в истории российской государственно-правовой системы следующие относительно самостоятельные периоды (циклы): децентрализованной государственно-правовой системы (IX - начало XVI в.); централизованной монархической (имперской) государственно-правовой системы (начало XVI в. – 1917 г.); советской республиканской государственно-правовой системы (1917–1991 гг.); президентской республиканской государственно-правовой системы (1992 г. – по наст. время). В рамках каждого из выделенных периодов (циклов) осуществляется собственное, качественным образом отличное от других понимание уголовного закона и уголовного законодательства, а также таких ключевых понятий (уголовно-правовых догм), как «преступление» и «преступность».

В представленной статье рассматриваются особенности трансформации представлений об уголовном законе и уголовном законодательстве в условиях дореволюционной и Советской России. При этом, руководствуясь методом конкретизации предмета научного познания, предполагающим «продвижение» исследования от общих положений к частным выводам и конкретной эмпирике, представляется возможным объединить в статье общетеоретические представления о законе как истоке и формальном источнике российского права с отраслевыми достижениями в области науки уголовного права и государственной уголовной политики.

Проблема понимания закона в русской юридико-лингвистической традиции

В отличие от многочисленных зарубежных терминов, в буквальном смысле "заполонивших" понятийный аппарат отечественной юриспруденции, слово закон является исконно русским и присутствует в национальном языке начиная с древних времен. Упоминание о Законе Русском, встречается в договорных источниках древнерусского права начиная с IX в. [2, с. 8]. «Закон судный людем» присоединен к Пространной Русской Правде и рассматривается исследователями в качестве самостоятельного источника древнерусского права (ориентировочно XIII в.)¹.

Этимология слова «закон» предполагает выделение корневого ядра «кон» – (черта, очерченное место), означающего некий предел/границу и трансформации предлога «за» в приставку. В подобном понимании «зайти за кон», значит перейти определенную границу (отсюда, запредельный, заграничный). Вместе с тем одновременно со словом «закон» в древнерусском языке использовалось синонимичное понятие «покон», определявшее границу возможного субъективного поведения. Сравним «зайти за ограду», «пойти по грибы». В первом случае преодоление «кона» либо нуждается в специальном разрешении (узаконении), либо рассматривается в качестве нарушения ранее установленных правил (противозаконного поведения). «Покон», устанавливая пределы субъективной активности, тем самым определял рамки, в которых субъект мог самостоятельно вырабатывать тот или иной вариант деятельности. С течением времени, слово «покон» было вытеснено из широкого словарного оборота и понятие «закон» приобрело однозначный характер [3, с. 117–119]. Также нельзя забывать о том, что в Древнерусском государстве слово

¹ Закон судный людем и дополнительные статьи к нему [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/EText/RP/zsl.htm> (дата обращения: 20.01.2023).

«закон» использовалось не в современном понятийном контексте как метафорическое обозначение объективного позитивного права («Верховенство закона») или название нормативно-правового акта (федеральный закон), а в традиционном значении, предполагавшем фактическое отождествление обличенного в патерналистскую форму начальственного волеизъявления («закон отца-государя») и передаваемого от старшего поколения к младшему обычая («закон отцов»). Двойственное представление о законе как о форме и обычая, и приказа (указа) в процессе формирования в России централизованного национального государства, в котором система публичной власти была выстроена по принципу персонифицированной иерархии, постепенно было преобразовано в смысловой монизм, суть которого в свое время достаточно образно определил В. И. Ленин, констатировавший, что право есть не что иное как выраженная в форме воля господствующего класса. При этом: «...Воля, если она государственная, должна быть выражена, как закон, установленный властью; иначе слово "воля" пустое сотрясение воздуха пустым звуком» [4, с. 72].

Отмечая изменения, происшедшие в ходе исторического генезиса российской государственно-правовой системы, вместе с тем, полагаем возможным утверждать, что представление о законе как о документально выраженной воле государства, представленного бюрократическим аппаратом, сохраняет высокую степень актуальности и социально-юридической значимости вплоть до настоящего времени.

Проблема понимания уголовного закона в контексте политогенеза Российского государства

Как уже было ранее отмечено, представление о законе как о форме российского права носит изменяющийся характер. Понимание уголовного закона также неодно-

значно. Начиная с древнерусского права можно говорить о закреплении на законодательном уровне отдельных видов преступлений и ответственности за них. Так, уже в Русской Правде закрепляются такие « типовые » составы преступлений, как убийство, кража, грабеж, причинение телесных повреждений и др. Ответственность за эти и другие противоправные деяния определялась по принципу талиона (равным за равное)¹ либо же путем « монетизации » причиненного преступлением ущерба². Информация о преступлениях и наказаниях содержится в последующих судебниках, уложениях, уставах [5]. При этом вплоть до начала XIX в. уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные нормы излагались в неcodифицированных нормативных правовых актах, в содержании которых излагались нормы различных (по современным представлениям) отраслей права [6].

Формирование в России XVIII в. академической науки и университетского образования обусловило становление юриспруденции как формально обособленного вида профессиональной деятельности, в рамках которой специализация осуществлялась по отраслевому принципу. Именно с этого периода имеет смысл говорить об уголовном праве как о самостоятельной отрасли отечественного права, имеющей в качестве формального источника уголовный закон, предметом рассмотрения которого выступали « преступления подданных против законов гражданских и наказания за сии преступления » [7, с. 3]. С учетом отсутствия в рассматриваемый период четкого разграничения отраслей права и законодательства

¹ «Если уььет муж мужа, то мстить брату за брата, или отцу, или сыну, или двоюродному брату, или сыну брата» // Суд Ярослава Владимировича. Русская правда (ст. 1). [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (дата обращения: 20.01.2023).

² «...если никто не будет мстить, то назначить 80 гривен за убитого, если он княжий муж; если он будет русин, или гридин, или купец...то назначить за него 40 гривен» // Суд Ярослава Владимировича. Русская правда (ст. 1). [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (дата обращения: 20.01.2023).

на публичные и частные, понятие «гражданский закон», рассматривалось в широком смысловом контексте, как любой исходящий от государства законодательный акт, обеспеченный в плане реализации системой государственных гарантий и санкций [8].

В первом отечественном учебнике по уголовному праву, его автор – О. И. Горегляд, в качестве предмета законодательного регулирования выделяет три проблемных блока: «1) О преступлениях вообще и последствия они; 2) О разных родах наказаний; 3) Об общих постановлениях и правилах при решении уголовного дела и применении наказания к преступлению» [9, с. XXXVII]. Следует особо подчеркнуть, что на этапе становления отрасли российского уголовного права его научно-образовательная составляющая «обгоняла» собственно практическую (законодательную). В качестве уголовного законодательства рассматривались не конкретные нормативно-правовые акты, имеющие специализированный предмет законодательного регулирования, а все гражданские (государственные) законы, включавшие положения, затрагивающие вопросы квалификации преступных деяний, а также определения и реализации уголовно-правовой ответственности.

Первым в отечественной истории кодифицированным уголовным законом стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение)¹. Данный документ по своей форме и содержанию вполне соответствует современным представлениям о законе как о нормативном правовом акте, изданном в порядке особой законодательной процедуры, содержащем отраслевые юридические нормы (специализированные и поведенческие), характеризующемся особой структурой (общей и особенной частями) и содержанием.

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения: 20.01.2023).

Кроме Уложения, в систему уголовного законодательства были также включены Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864), Военно-уголовный кодекс (1875) и Военно-морской устав (1886)¹.

Следует отметить, что понятие «закон» использовалось в имперской юридической традиции в качестве обобщающего наименования исходящего от государства объективного позитивного права, при этом в системе национального законодательства Российской империи (Полном собрании законов Российской империи) не было нормативно-правовых актов в названии которых использовалось бы слово «закон» (исключение составляют «Высочайше утвержденные государственные законы» 1906 г., по своей сути и содержанию являвшиеся единым законодательным актом – конституцией) [10]. В качестве нормативных правовых актов, в совокупности образующих имперское законодательство выступали высочайшие манифесты, указы, постановления правительства и др. [11]. Рассмотрение царствующего императора в качестве высшего должностного лица и высшего органа государственной власти предполагало наделение его исключительными правами («*impregium*») во всех сферах публичной власти. По сути своей имперское законодательство исходило непосредственно от императора в качестве персонифицированного законодателя [12].

Анализ имперского уголовного законодательства позволяет выделить следующие характерные черты:

- Формирование уголовного законодательства происходит в период перехода России от феодальной (основанной на «культуре земли») к буржуазной (основанной на «культуре индустрии») культурной традиции. Именно с «культурой индустрии» и производными от нее явлени-

¹ Михайлова А. Ю. История развития российского уголовного законодательства [Электронный ресурс]. URL: <https://studylib.ru/doc/2621185/istoriya-razvitiya-rossijskogo-ugolovnogogo> (дата обращения 20.01.2023).

ями урбанизации, городского разночинья, промышленного пролетариата и др. во многом связано оформление преступности как системного, организационного явления (организованного профессионального преступного мира), с соответствующей реакцией государства, выраженной как в формировании специализированных правоохранительных структур (профессиональной полиции, тюремной системы, спецслужб), так и в создании отраслевой законодательной базы, главенствующее место в которой отводилось кодифицированному уголовному закону.

■ Официальная сословная структура имперского общества, обуславливала «иерархию личных достоинств» российских подданных на «благородных» и «простых», при обособлении особого «права состояния» представителей царствующей династии и непосредственно сакральной фигуры «помазанника» – царствующего императора. Такое структурирование непосредственным образом влияло на понимание субъекта преступления и уголовно-правовой ответственности. Несмотря на то что в законодательстве не предполагалось дифференциации составов преступлений на основании выделения специального (по сословной принадлежности) субъекта, вместе с тем такая дифференциация закреплялась при реализации уголовно-правовой ответственности. К примеру, ст. 24 Уложения определяла порядок, в соответствии с которым в качестве наказания предусматривалось лишение сословного достоинства (права состояния), выраженное в формах потери дворянства и духовного сана, для представителей «благородных сословий», а также «доброе имени» для «простых» подданных (горожан, купцов, «людей прочих состояний»).

■ Содержательный анализ Уложения позволяет рассматривать его и как уголовный, и как административный (полицейский) закон. Основанием для такого заклю-

чения является дифференциация наказаний на «уголовные» и «исправительные». Последние выступают в качестве форм административной (в ее современном понимании) ответственности за проступки – «нарушения правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы». Таким образом, можно говорить о том, что отраслевое структурирование российского права имперского периода имело концептуальную завершенность только в научно-образовательной сфере. В области практического законодательства на всем протяжении имперской государственно-правовой системы использовалась юридическая техника совмещения в одном законодательном акте различных отраслевых норм. Применительно к Уложению, следует говорить о совмещении в нем содержательных положений как уголовного, так и административного законов.

Разрушение монархической и формирование советской государственно-правовой системы, представляют звенья политического конфликта (революции), в рамках которой имел место безусловный дефицит ресурса (государственная власть) и психологический образ врага, которым конфликтующие стороны руководствовались во взаимоотношениях и который повлек Гражданскую войну, в итоге ставшую инструментом разрешения конфликтной ситуации и доказательством обретения советским правительством государственного суверенитета. «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться» (В. И. Ленин)¹.

Применительно к советской социалистической государственно-правовой системе следует выделить два концептуально разных периода законности: «революци-

¹ Цитаты Ленина и Конфуция: способность государства защищаться [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZD-w4j110jGh8xPe> (дата обращения: 20.01.2023).

онной» и «социалистической». Революционная законность складывалась на первоначальном (переходном) этапе становления Советского государства [13].

Особенностями данного этапа являлись:

- политическая сегрегация эксплуатируемых (победителей) и эксплуататоров (побежденных), с дискриминацией последних в политических правах;
- дифференциация преступлений на контрреволюционные (политические) и общеуголовные;
- осуществление уголовного преследования и уголовного судопроизводства на основании революционного правосознания и ведомственных инструктивно-методических документов, восполнявших масштабный пробел, обусловленный фактическим отсутствием советского государственного отраслевого законодательства;
- дифференциация субъектов преступления и уголовной ответственности на три группы: контрреволюционеров, преступников-рецидивистов, классово близких «победителям» граждан, совершивших преступления впервые «по недомыслию» либо вследствие «издержек старорежимного воспитания». Если по отношению к первой и второй группам уголовная ответственность и наказание рассматривались в первую очередь в качестве инструментов карательно-репрессивного характера, то третьи рассматривались как «оступившиеся», а значит способные «исправиться и влиться» в сплоченные ряды сознательных строителей социализма и коммунизма. Соответственно, по отношению к таким правонарушителям уголовная ответственность рассматривалась в качестве средства «правовой терапии», основной целью которой являлись исправление и последующая ресоциализация.

В условиях революционной законности новое социалистическое право рассматривалось в качестве продукта правотворческой деятельности широких народных масс

и носило бессистемный характер (в период действия политики «военного коммунизма» (1918–1921 гг.) было издано более 4 тыс. нормативных актов (декреты, приказы, постановления), носивших непостоянный характер и в большинстве своих демонстрировавших доминирование политико-идеологической направленности по отношению к юридическому наполнению [14].

В качестве первого советского уголовного закона выступили Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (далее – Начала), принятые Постановлением Народного комиссариата юстиции в 1919 г. Особенность данного документа заключалась в его доктринальном характере. В частности, в нем отмечалось, что «пролетариат, завоевавший...власть, сломал буржуазный государственный аппарат...разумеется, что та же участь постигла и все кодексы буржуазных законов, все буржуазное право...»¹. В Началах, несмотря на их отраслевую принадлежность, содержалось общее определение права как «системы (порядка) общественных отношений, соответствующих интересам господствующего класса и охраняемых организованной его силой», а также приводились дефиниции уголовного права в целом и советского уголовного права в частности.

Обращает на себя внимание ярко выраженный репрессивный характер Начал. В частности, отмечалось, что «уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы..., которыми система общественных отношений...классового общества охраняется от ...преступления посредством репрессий», а «советское уголовное право имеет задачей – посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс...»². Представляя собой доктри-

¹ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032057&empire=1 (дата обращения: 20.01.2023).

² Там же.

нальный акт, Начала содержали только общие положения (дефиниции права в целом, уголовного и советского уголовного права, в частности преступления и наказания; структуру системы советского правосудия; этапы совершения преступления и соучастие в нем, виды наказания; основания условно-досрочного освобождения; пространственные параметры действия уголовного закона). Отсутствие особенной части уголовного закона означало, что определение составов преступлений, равно как и уголовной ответственности за их совершение, является компетенцией непосредственных правоприменителей, принимающих решения и выносящих приговоры (в том числе о высшей мере наказания), не на основании законодательно закрепленных норм, а руководствуясь «революционной совестью» и «революционным правосознанием» [15]. Также следует отметить, что Начала носили временный характер и были рассчитаны на период переходной от капитализма к коммунизму диктатуры пролетариата.

Переход государства от политики «военного коммунизма» (1918–1921 гг.) к новой экономической политике (1921–1928 гг.), а затем к политике коллективизации и индустриализации (1928–1937 гг.), обусловил трансформацию «революционной» законности в «социалистическую». В основу последней были положены типичные юридические формы права, в системе которых доминирующее инструментальное положение занимали отраслевые кодексы, закреплявшие нормы как материального, так и процессуального права [16].

Первый «полноценный» советский уголовный кодекс был принят в 1922 г., в период, когда РСФСР являлась суверенным государством. Принятый в 1926 г. и вступивший в силу с 1 января 1927 г. УК, формально именовался редакцией УК РСФСР 1922 г., хотя на практике представлял законодательный акт новый как по содержанию, так

и по месту в системе советского уголовного законодательства, структурирование которой осуществлялось на основании принципа советского федерализма [17]. Советское отраслевое законодательство было представлено двумя уровнями: федеральным и региональным. На федеральном общесоюзном уровне принимались Основные начала (впоследствии – Основы) законодательства (далее – Основные начала), содержавшие общие положения и принципы правового регулирования в соответствующей отрасли социалистического материального или процессуального права. На региональном уровне (союзной республике), принимались отраслевые кодексы, общая часть которых практически дублировала положения и принципы Основных начал, а особенная часть содержала регулятивно-охранительные нормы, разрабатываемые с учетом национальных особенностей той или иной республики [18].

Заключение

Особенностью советского уголовного законодательства на всех этапах становления и развития социалистической государственно-правовой системы являлся его классовый характер. Считалось, что преступность – это явление неразрывным образом, связанное с эксплуататорским государством. Переход от классового антагонизма буржуазного общества к сближению классов в условиях социализма должен был привести к окончательной победе «общенародного государства социализма и коммунизма» над преступностью, рассматриваемой в качестве одного из «пережитков старого мира». Отношение к преступности как к явлению, противоречащему государственной коммунистической идеологии, обуславливало специфику понимания и законодательного закрепления категорий «преступление» и «преступность», что существенным образом осложняло деятельность советской правоохра-

нительной системы по противодействию данной форме социально-правовой девиации.

Кризис социалистической государственно-правовой системы, обусловивший распад Союза ССР и повлекший разрушение мировой системы социалистического права, обусловил трансформацию теоретических моделей и практических технологий правового регулирования во всех сферах общественных отношений, в том числе в сфере уголовно-правовой науки, уголовного законодательства, практики уголовно-правового регулирования и охраны. Подверглись качественному переосмыслению важнейшие догмы уголовного права. Произошли качественные изменения в структуре уголовного законодательства, понимание которого в современной России сводится к действующему Уголовному кодексу (ч. 1 ст. 1 УК РФ 1996 г.). Вместе с тем, несмотря на серьезные изменения в структуре и содержании современного российского уголовного закона, на всех исторических этапах его развития продолжает оставаться неизменным принцип детерминированности уголовного права государством. Суть данного принципа выразил Я. И. Гилинский, по мнению которого, преступления как явления не существует в естественной природе, соответственно не свойственна природе и преступность. И преступление, и преступность – социальные конструкторы, «изобретаемые» объединенными в государство людьми и используемые в контексте государственной целесообразности [19]. В подобном представлении уголовное законодательство в целом и уголовный закон в частности являются инструментами, посредством которых государство устанавливает и трансформирует публичный правопорядок. При этом, по нашему мнению, правопорядок, устанавливаемый инструментами законодательной уголовной политики на всех этапах исторического развития россий-

ской государственно-правовой системы, занимает приоритетное положение по отношению ко всем остальным правовым форматам, что позволяет рассматривать отечественное уголовное законодательство в качестве занимающего главенствующее место в национальной законодательной системе Российской Федерации.

Список литературы

1. Ромашов Р. А. Политогенез: Храм- Полис- Государство-State. – СПб.: Алетейя, 2020. – 300 с.
2. Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. – М.: Юридическая литература, 1988. – 176 с.
3. Правогенез: традиция, воля, закон / О. С. Батова, Е. А. Брылева, Ю. Ю. Ветютнев [и др.]. – СПб.: Алетейя, 2021. – 480 с.
4. Ленин В. И. Сочинения. Том 25. Издание 4. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – 503 с.
5. Стус Н. В. Становление системы источников русского уголовно-судебного права X–XIV вв. // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – 2014. – № 22 (193). – Вып. 30. – С. 130–133.
6. Звонов А. В., Журавлева Ю. В. Система уголовных наказаний по законодательству древней Руси // Вестник Российской правовой академии. – 2016. – № 2. – С. 56–59.
7. Соколов П. Систематическое руководство к познанию российского законодательства. Ч. 1. – М.: Универ. тип., 1819. – 119 с.
8. Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права») // LEX RUSSICA (Русский закон). – 2015. – № 3 (Том С). – С. 112–124.
9. Горегляд О. И. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1: О преступлениях и наказаниях вообще. – СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1815. – 168 с.
10. Шульженко Ю. Л. Основные государственные законы 1906 г. – начало реального практического конституционализма в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 3 (51). – С. 24–36.
11. Галузо В. Н. Полное Собрание Законов Российской империи: современный итоговый проблемный анализ // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 7. – С. 131–135.
12. Коптев А. В. Империй и померий в эпоху ранней Римской республики // Вестник РГГУ. Серия: «Исторические науки». – 2011. – № 14. – С. 42–103.
13. Рыбаков В. П. Революционная законность: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 12 (156). – С. 58–62.
14. Никулин В. В. От чрезвычайного права к «революционной законности». Формирование концепции «Революционной законности» в советской правовой доктрине // Право: история и современность. – 2020. – № 4 (13). – С. 7–16.
15. Козаченко И. Я. Исторический опыт криминализации деяний: к 100-летию руководящих начал по уголовному праву РСФСР // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 2. – С. 31–35.

16. Романовская В. Б. Становление теории социалистической законности в 20–30-е годы XX века // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 18–27.

17. Упоров И. В., Шеуджен Н. А. УК РСФСР 1922 года: к 100-летию первого советского уголовного закона // Общество и право. – 2022. – № 3 (81). – С. 68–73.

18. Илло Д. А. Концептуальные идеи основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года // Человек: преступление и наказание. – 2009. – № 4 (67). – С. 44–46.

19. Гилянский Я. И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (35). – С. 6–13.

References

1. Romashov, R. A. (2020) *Politogenez: Hram- Polis- Gosudar'stvo-State* [Politogenesis: Temple- Polis- State-State]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Aletejya. (In Russian).

2. Sverdlov, M. B. (1988) *Ot Zakona Russkogo k Russkoj Pravde* [Russian Russian Law to Russian Truth]. Moscow: Yuridicheskaya literature. (In Russian).

3. Batova, O. S., Bryleva, E. A., Vetyutnev, Yu. Yu. i dr. (2021) *Pravogenez: tradiciya, volya, zakon* [Pravogenesis: tradition, will, law]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Aletejya. (In Russian).

4. Lenin, V. I. (1949) *Sochineniya. Tom 25. Izdanie 4* [Essays. Volume 25. Edition 4]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russian).

5. Stus, N. V. (2014) Stanovlenie sistemy istochnikov russkogo ugolovno-sudebnogo prava X–XIV vv. [Formation of the system of sources of Russian criminal and judicial law of the X–XIV centuries]. *Nauchnye vedomosti BelG U. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Pravo – Scientific Bulletin of the Belarusian State University. Philosophy series. Sociology. Right.* No. 22 (193). Issue 30. Pp. 130–133. (In Russian).

6. Zvonov, A. V., Zhuravleva, Yu. V. (2016) Sistema ugolovnyh nakazaniy po zakonodatel'stvu drevnej Rusi [The system of criminal penalties under the legislation of ancient Russia]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii – Bulletin of the Russian Law Academy.* No. 2. Pp. 56–59. (In Russian).

7. Sokolov, P. (1819) *Sistematicheskoe rukovodstvo k poznaniyu rossijskogo zakonovedeniya. Ch. 1* [A systematic guide to the knowledge of Russian jurisprudence. Part 1]. Moscow: Univer. tip. (In Russian).

8. Gracheva, Yu. V., Chuchayev, A. I. (2015) *Pervyj uchebnyk ugolovnogo prava (k 200-letiyu uchebnika Osipa Goreglyada «Opyt nachertaniya rossijskogo ugolovnogo prava»)* [The first textbook of criminal law (to the 200th anniversary of the textbook by Osip Goreglyad "The experience of the outline of Russian criminal law")]. *Lex Russica (Russkij zakon) – Lex Russica (Russian Law).* No. 3 (Vol. C). Pp. 112–124. (In Russian).

9. Goreglyad, O. I. (1815) *Opyt nachertaniya rossijskogo ugolovnogo prava. Ch.1: O prestupleniyah i nakazaniyah vooobshche* [The experience of the outline of Russian criminal law. Part 1: On crimes and punishments in general]. St. Petersburg: Tip. I. Ioan-nesova. (In Russian).

10. Shul'zhenko, Yu. L. (2019) Osnovnye gosudarstvennye zakony 1906 g. – nachalo real'nogo prakticheskogo konstitucionalizma v Rossii [Basic state laws of 1906 – the beginning of real practical constitutionalism in Russia]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki – News of higher educational institutions. The Volga region. Social Sciences.* No. 3 (51). Pp. 24–36. (In Russian).

11. Galuzo, V. N. (2009) Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii: sovremennyj itogovyj problemnyj analiz [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire: a modern final problem analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii –*

Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 7. Pp. 131–135. (In Russian).

12. Koptev, A. V. (2011) Imperij i pomerij v epohu rannej Rimskoj respubliki [Empires and pomeria in the era of the early Roman Republic]. *Vestnik RGGU. Seriya: «Istoricheskie nauki» – Bulletin of the Russian State University. Series: "Historical Sciences"*. No. 14. Pp. 42–103. (In Russian).

13. Rybakov, V. P. (2017) Revolyucionnaya zakonnost': teoreticheskij aspekt [Revolutionary legality: a theoretical aspect]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and the State: theory and practice*. No. 12 (156). Pp. 58–62. (In Russian).

14. Nikulin, V. V. (2020) Ot chrezvychajnogo prava k «revolyucionnoj zakonnosti». Formirovanie koncepcii «Revolucionnoj zakonnosti» v sovetskoj pravovoj doktrine [From emergency law to "revolutionary legality". Formation of the concept of "Revolutionary legality" in the Soviet legal doctrine]. *Pravo: istoriya i sovremennost' – Law: History and modernity*. No. 4 (13). Pp. 7–16. (In Russian).

15. Kozachenko I. Ya. (2013) Istoricheskij opyt kriminalizacii deyanij: k 100-letiyu rukovodyashchih nachal po ugolovnomu pravu RSFSR [Historical experience of criminalization of acts: to the 100th anniversary of the guiding principles of criminal law of the RSFSR]. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka – Russian law: education, practice, science*. No. 2. Pp. 31–35. (In Russian).

16. Romanovskaya, V. B. (2013) Stanovlenie teorii socialisticheskoy zakonnosti v 20–30-e gody XX veka [The formation of the theory of socialist legality in the 20–30s of the XX century]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' – Legal science: history and modernity*. No. 9. Pp. 18–27. (In Russian).

17. Uporov, I. V., Sheudzhen, N. A. (2022) UK RSFSR 1922 goda: k 100-letiyu pervogo sovetskogo ugolovnogogo zakona [Criminal Code of the RSFSR of 1922: to the 100th anniversary of the first Soviet criminal law]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. No. 3 (81). Pp. 68–73. (In Russian).

18. Illo, D. A. (2009) Konceptual'nye idei osnovnyh nachal ugolovnogogo zakonodatel'stva Soyuzna SSR i soyuznyh respublik 1924 goda [Conceptual ideas of the basic principles of the criminal legislation of the USSR and the Union Republics of 1924]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*. No. 4 (67). Pp. 44–46. (In Russian).

19. Gilinskij, Ya. I. (2019) Prestupnost': chto eto? Kto vinovat? Chto delat'? [Crime: what is it? Who is to blame? What to do?]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1 (35). Pp. 6–13. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

40/30/30 %

Об авторах

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Денисов Сергей Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5017-4269, e-mail: denisov_61@mail.ru

Павлов Владимир Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-1282-1850, e-mail: pavlovladimir45@mail.ru

About the authors

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist Russian Federation, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Sergey A. Denisov, Dr. Sci. (Law), Professor, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5017-4269, e-mail: denisov_61@mail.ru

Vladimir G. Pavlov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-1282-1850, e-mail: pavlovladimir45@mail.ru

*Поступила в редакцию: 22.01.2024
Принята к публикации: 01.02.2024
Опубликована: 30.03.2024*

*Received: 22 January 2024
Accepted: 01 February 2024
Published: 30 March 2024*